

image not found or type unknown

1. Реалии - это понятия, относящиеся к жизни, быту, истории, материальной и духовной культуре данного народа. Все реалии можно разделить на **две большие группы**.

К первой группе относятся реалии хорошо известные получателю переводящего текста. В принимающей культуре подобные иноязычные понятия нередко заимствуются вместе с их наименованиями и представлены словами, которые прочно обосновались в системе переводящего языка. Такие реалии имеются практически во всех сферах человеческой деятельности.

Спорт: фристайл, бодибилдинг, сноуборд, плей-офф.

Компьютеры: ноутбук, файл, интерфейс, браузер.

Политика: импичмент, пиар, инаугурация.

Бизнес: спонсор, офис-менеджер, консалтинг, маркетинг, прайс-лист, бутик, рэкет.

Кино и СМИ: кастинг, продюсер, саундтрек, триллер, медиа-холдинг.

Общепит: фаст-фуд, биг мак, чизбургер, гамбургер, хот дог.

Телекоммуникации: роуминг, СМС (SMS-short message service).

Вышеперечисленные слова, строго говоря, перестали быть реалиями по мере внедрения понятий в нашу жизнь.

Ко второй, более многочисленной, **группе** принадлежат те реалии, о которых у получателя текста перевода имеется ограниченное представление или нет никаких сведений:

Red Chamber – «Красная Палата» (верхняя палата канадского парламента)

forty-niner – «человек сорок девятого года», золотоискатель (в период золотой лихорадки в Калифорнии в 1849г.)

compurgation – ист. компургация, очищение от обвинения (клятвенное подтверждение свидетелем невиновности обвиняемого)

Вопросы синонимии в переводе встают и по отношению к такому лексическому пласту иностранного языка, как обозначения реалий общественной жизни и материального быта, специфичных для определенного народа или страны. Хотя, казалось бы, речь здесь идет о понятиях и вещах, допускающих точное описание и определение, получающих почти терминологическое выражение на данном языке, при передаче их средствами другого языка возможны значительные колебания, варианты. Это связано с тем, что по частоте употребления, по роли в языке, по общезначимости содержания или по своему бытовому характеру слова, служащие названием таких реалий, не имеют терминологической окраски; они не контрастируют даже с самым «обыденным» контекстом в подлиннике, не выделяются в нем стилистически, являясь привычными для языка подлинника и именно поэтому составляют особую трудность при переводе.

Само собой разумеется, что возможность правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом произведении (независимо от того, приобретены ли такие знания путем прямого знакомства с ней или почерпнуты из книг либо иных источников).

За этими знаниями как в страноведении, так и в сопоставительном языкознании и теории перевода закрепилось в последнее время определение «фоновых» («фонные знания»): как явствует из самого значения термина, имеется в виду совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют их, как «общие для участников коммуникативного акта знания».

Для теории и практики перевода фактически имеет значение лишь часть фоновых знаний — та, которая относится к явлениям специфическим для иной культуры, иной страны и необходима читателям переводного произведения, чтобы без потерь усвоить в деталях его содержание. В связи с этим В. С. Виноградов считает, что в «исследовании, посвященном лексическим проблемам, представляется более целесообразным пользоваться термином «фонная информация», который

соотносится с понятием фоновых знаний, но по сравнению с ним является более узким и соответствующим изучаемой теме», и так определяет предложенное понятие:

«Фоновые сведения — это социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности».

Ни фоновые знания, как категория более общая, ни фоновая информация не являются чем-то раз и навсегда установленным, некоторая часть Их с течением времени может утрачиваться, как ставшая неактуальной и не получающая применения, но в целом фоновая информация имеет тенденцию к постоянному расширению в связи со все растущими контактами между народами и их культурами. Одной из форм, в которых осуществляются эти контакты, следует признать и перевод любых текстов (от художественной литературы до произведений научных — особенно из области гуманитарной и публицистики). Тем самым распространение фоновой информации происходит и через перевод, особенно через перевод художественной литературы и, в частности, повествовательной прозы, равно как и драматургии, где для изображения фона действия важную роль играют вещественные детали материального и общественного быта, характер обращения людей друг к другу и т. и. Такие детали имеют названия в оригинале и требуют называния в переводе. Это называние осуществляется по-разному.

В западноевропейских городах, например, широко встречаются сохранившиеся еще от средних веков, но строившиеся также и позднее дома с узкими фасадами и заостренными фронтонами, последние по-французски называются „pignon“, по-немецки „Giebel“ (соответственно весь дом — „maison à pignon“ и „Giebelhaus“). В русских городах такая архитектурная форма не была принята и какое-либо специальное слово для ее обозначения в русском языке не существует. Тем самым при переводе оказывается неизбежным расширение текста, и там, где в подлиннике — одно простое слово „Giebel“) или одно сложное („Giebelhaus“), требуется сочетание из двух и более слов.

В Германии существовала и до сих пор сохранилась старинная, в свое время широко распространенная форма жилого здания - Fachwerkhaus (-gebäude). Способ постройки и внешний вид его весьма специфичны, и для правильного представления о нем нужно или иметь описание, или хотя бы видеть его изображения. В «Полном немецко-русском словаре» И. Я. Павловского дан мало что объясняющий перевод «клетчатая постройка», сопровождаемый, однако,

дополнительным толкованием в скобках: «(где промежутки между клеткообразно сложенными брусками закладываются кирпичом или мелким лесом и обмазываются глиной)». В современном немецком энциклопедическом словаре-однотомнике „Lexikon A-Z in einem Band“, рассчитанном на немецкого читателя, который видал такие дома, все же дается и рисунок как наглядное дополнение к довольно громоздкому толкованию слова. В русском языке есть технический термин «фахверк», непосредственно происходящий от немецкого слова, но термин этот имеет несколько иное, в общем более широкое содержание, относящееся скорее к технике современного строительства. Вот его определение в словарях: «сооружение, состоящее из деревянного или железного остова, каркаса, с промежутками, заложеными кирпичом». Или: «каркасное сооружение; сооружение (стена, перекрытие, мост и пр.), состоящее в основном из решетчатых ферм или системы соединенных между собой металлических стержней и балок». Для целого ряда случаев слово «фахверк» оказалось бы «ложным другом переводчика».

Одна из пьес Д. Голсуорси озаглавлена "The Silver Box" по названию вещи, которая в ее сюжете играет большую роль, это — небольшая серебряная коробка, какие в состоятельных английских домах ставятся на столе для сигарет. Переводить это заглавие как «Серебряный портсигар» (или: «папиросница») было бы ошибочно: портсигар носится в кармане и меньше по размерам, чем коробка, о которой идет речь. Поэтому правильно поступила переводчица (Г. А. Островская), озаглавив перевод просто «Серебряная коробка», а назначение самой коробки раскрыв в обстановочной ремарке как «серебряная коробка для сигарет». Само собой понятно, что для заглавия последнее сочетание не годилось бы как слишком длинное.

Итак, предпосылкой для верной передачи слов, выражающих реалии материального быта, является знание самих вещей, стоящих за этими словами, верное представление о них. Если же сама вещь не названа прямо, а описана перифрастически или изображена метафорически, то задача еще более усложняется. И чем более чужда и далека сама действительность с ее отдельными деталями, тем легче возникают ошибки, неточности понимания, приблизительность перевода как в плоскости вещественного содержания, выражаемого им, так и в стилистическом разрезе.

Когда переводчик ограничивает себя только данными текста, слепо доверяясь номинативным значениям его словарных элементов, взятых в отдельности, не подозревая или забывая о том, что новые значения их, получающиеся в результате

их сочетания друг с другом, могут быть отмечены даже и в словарях, - тоща возникают грубые смысловые ошибки. Такие ошибки встречаются, например, при переводе немецких сложных слов, когда их значение воспринимается переводчиком просто как сумма значений их составных частей.

Национально-специфические реалии многочисленны в рамках каждой определенной культуры и могут быть установлены различные их группы и подгруппы по признаку принадлежности к той или иной сфере материального быта, духовной жизни человека, общественной деятельности, к миру природы и т. д. В связи с интересом к переводу слов, являющихся их названиями и всегда составляющих большую трудность для передачи на другом языке, предложены и классификации самих реалий по указанному признаку, но это - вопрос экстралингвистический. Для лингвистической же общей теории перевода интерес представляет вопрос о способах передачи слов как названий реалий. При этом не лишне подчеркнуть, что речь должна идти именно о переводе названий реалий, а отнюдь не о «переводе» самих реалий, ибо реализия - понятие экстралингвистическое и не может «переводиться», как не может «переводиться» с одного языка на другой любая существующая в природе вещь. Между тем в целом ряде работ можно прочесть и о «переводе реалий». Это, конечно, терминологически некорректно, но так как подобное словоупотребление уже широко распространилось, к нему - в тех случаях, когда оно встречается, - следует относиться как к условности, как к сокращенному и упрощенному способу выражения. Наряду с ним практикуется другой, более приемлемый: «перевод слов-реалий» (сочетание «слова-реалии» выступает как синоним «названий реалий»); допустимо также сочетание «передача реалий», поскольку слово «передача» шире по значению, чем «перевод» и может относиться к экстралингвистическим понятиям.

В принципе, все **способы**, используемые в переводческой практике для передачи реалий, можно свести к четырем:

- **транслитерация либо транскрипция** (полная или частичная), непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами своего языка;

- калькирование - **создание нового слова или сложного слова, или словосочетания** для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. В своей основе это перевод описательный, перифрастический.;

- аналог или приблизительное соответствие - **использование слова, обозначающего нечто близкое** (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии, — иначе — уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, а иногда граничащий с приблизительным обозначением;

- толкование или описательный перевод - так называемый **гипонимический** (от английского слова "hiponymy", составленного из греческих корней) или **обобщенно-приблизительный перевод**, при котором слова ИЯ, обозначающие видовое понятие, передается словом ПЯ, называющим понятие родовое.

Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, и, чтобы как-то нивелировать последние, эти способы нередко комбинируют друг с другом.

Способ перевода во многом зависит от того, к какой группе относится реалия.

2. Реалии первой группы передаются посредством прямых словарных соответствий или методами **транскрипции, транслитерации и калькирования**.

Транскрипция и транслитерация хороши тем, что позволяют передать звуковой или графический облик слова и не приводят к увеличению объема текста – слова, переданные таким образом, компактны:

The legislature cannot easily remove the government, short of impeachment.

Законодательный орган может сменить правительство не иначе как через процедуру импичмента.

Юридический термин impeachment, обозначающий в американском варианте английского языка решение палаты представителей о возбуждении в Сенате дела по снятию с должности президента, получил у нас широкое распространение после уотергейтского скандала в 1973-74 годах, когда со своего поста был снят президент Ричард Никсон. Слово «импичмент» зафиксировано в словарях, хорошо известно русскому читателю и поэтому воспроизводится в русском тексте без каких-либо пояснений методом транскрипции.

Из русского языка во многие зарубежные языки и во многие национальные языки наших братских республик перешел — как путем переводов, так и независимо от них — целый ряд слов, которые обозначают важнейшие понятия общественно-политической жизни или служат названием научно-технических достижений (слова «Совет», «колхоз», «колхозник», «спутник», — ср., например, немецкие „Sowjet", „Kolchos", „Sputnik"; английские "Soviet", "Kolkhoz", "Sputnik"; испанское

„koljos" и т. д., как обозначения совершенно новых, специфических для нашей страны общественных отношений и достижений науки). Эти слова прочно укоренились на новой языковой почве и давно уже не требуют комментариев и пояснений, иные из них (как, например, «колхоз», «колхозник») получили и переводные соответствия в некоторых иностранных языках, если в них, как, например, в немецком языке, есть к этому благоприятные словообразовательные условия (ср. нем, „Kollektivwirtschaft", англ. "collective farm").

Транслитерация при переводе на русский язык (или при рассказе или сообщении о фактах зарубежной жизни, или о быте братских народов СССР) применяется нередко в тех случаях, когда речь идет о названиях учреждений, должностей, специфических для данной страны, т. е. о сфере общественно-политической жизни, о названиях предметов и понятий материального быта, о формах обращения к собеседнику и т. п.

Транслитерационный способ передачи реалий широко распространен и оставляет существенный след как в русской переводной литературе, так и в оригинальных произведениях (художественных, публицистических, научных). Свидетельством этому служат такие, например, слова, относящиеся к английской общественной жизни, как «пэр», «мэр», «лендлорд», «эсквайр», или к испанской, как «гидальго», «коррехидор», «альгвасил», «алькальд», «тореро», «коррида» и др., слова, обозначающие старые западноевропейские земельные меры — «акр» (французское), «морген» (немецкое); слова, связанные с бытом французского города, как, например, «фиакр», «консьерж»; английские обращения «мисс», «сэр» и многие другие им подобные.

Нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т. е. распространенным сочетанием слов данного языка. Но транслитерация необходима именно тогда, когда важно соблюсти лексическую краткость обозначения, соответствующую его привычности в языке подлинника, и вместе с тем подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия, если нет точного соответствия в языке перевода. Оценивая целесообразность применения транслитерации, необходимо точно учитывать, насколько важна передача этой специфичности. Если же последнее не требуется, то использование транслитерации превращается в злоупотребление иностранными заимствованиями, приводит к затемнению смысла и к засорению родного языка.

Целесообразность и правомерность транслитерации в известных случаях доказывается тем, что нередко авторы, пишущие о жизни других народов.

Прибегают к этому языковому средству, как к способу назвать и подчеркнуть реалию, специфическую для быта данного народа. В русский язык вошли, например, слова «аул», «кишлак», «сакля» и многие другие и именно в этой транслитерации стали традиционными. Так подчеркивалась специфичность вещи, обозначаемой словом, ее отличие от того, что могло бы быть приблизительно обозначено отдаленно соответствующим русским словом (ср. «аул» или «кишлак», с одной стороны, и «деревня», с другой, «сакля» или «хижина» и «изба»). Пример слов, заимствованных оригинальной литературой путем транслитерации, служит мотивировкой при использовании таких слов в переводе.

Часто иноязычные слова переносятся в язык перевода именно для выделения оттенка специфичности, который присущ выражаемой ими реалии — при возможности лексического перевода; более или менее точного. В переводах на русский язык грузинской классической литературы часто встречаются такие слова, как «майдан» (иранизм, означающий «площадь»), «кинто» (уличный певец), «моурави» (судья), «чонгури» (музыкальный инструмент) и другие названия реалий старого грузинского быта, ставшие сейчас привычными для русского читателя переводов с грузинского языка. То же в переводах с армянского («ашуг» - певец, «саз» - музыкальный инструмент и др.).

Когда транслитерируемое слово употребляется редко или, тем более, впервые переносится в русский переводный текст, бывает необходимо и комментирующее пояснение, и соответствующий контекст. Так, к переводу романа армянского классика Хачатура Абовяна «Раны Армении», выполненному С. В. Шервинским, приложен довольно большой список армянских и тюркских слов, перенесенных в русский текст из армянского и требующих истолкования наряду со словами более или менее знакомыми русскому читателю (такими, как «ага» - господин, «ашуг» - певец, «лаваш» - род хлеба); здесь большое количество таких слов, которые, может быть, впервые использованы в этом переводе («автафа» - медный рукомойник, «бухара» - камин, «зох» - съедобный стебель некоторых растений, «трэх» - кожаный лапоть и т.д.).

Но возможность применить иноязычное слово определяется не только наличием комментария. При всей непонятности слова, употребляемого впервые (или вообще очень редко), контекст, в котором оно употреблено, если и не способен полностью раскрыть его смысл, то все же может дать некоторое представление о предмете или понятии, обозначенном им. В предложении: «В жизнь ты не увидишь, чтобы армянин валялся в грязи, хоть выпей он пять тунг вина», слово «тунг» легко понимается нами как родительный падеж множественного числа слова «тунга»,

явно означающего меру жидких тел, видимо довольно большую (по комментарию — равную 4 литрам). В словосочетании: «И нос, и щеки, и лечак, и минтану — все перемарала» — два последних существительных не могут обозначать ничего другого, кроме каких-то частей женской одежды.

Впрочем, в русских переводах западноевропейской художественной литературы за последнее время все более упрочивается тенденция избегать таких слов, которые требовали бы пояснительных примечаний, не предполагаемых подлинником — т. е. именно транслитерированных обозначений иностранных реалий, кроме ставших уже привычными. Напротив, в современных переводах с языков Востока транслитерация используется достаточно часто, когда речь идет о вещах или явлениях, специфических для материального или общественного быта, т. е. не имеющих соответствий у нас.

Недостаток же транскрипции и транслитерации заключается в том, что на первых порах они могут быть непонятны носителям принимающего языка, особенно если контекст или ситуация не выявляют их значения. Трудно сказать, многим ли русским читателям или телезрителям ясен смысл английских слов: «саспенс, чиллаут, сквотеры, дивелопмент, праймериз, паблисити» и др. Однако высокая частотность употребления (особенно в определенных кругах) в конечном счете может привести к тому, что подобные слова приживаются в языке перевода, а некоторые даже настолько хорошо акклиматизируются, что приобретают его грамматические характеристики — формы склонения, спряжения, числа, словообразовательные аффиксы, например: «кликнуть по мыши», «все мои файлы пропали», «проблемы имиджа», «медийная фигура», «это надо пропиарить». Данный способ инфильтрации иноязычных реалий в наш язык является, пожалуй, самым действенным и массированным.

Поскольку многие реалии и термины проникают в русский язык через перевод, следует предостеречь начинающих переводчиков от опасности чрезмерного и необоснованного применения транскрипции. Часто это приводит к засорению русского языка иностранными словами мало понятными широкой аудитории.

3. Калькирование как переводческий прием послужило основой для большого числа разного рода заимствований в тех случаях, когда транскрипция и транслитерация были почему-либо неприемлемы из эстетических, смысловых или иных соображений.

Большое количество политических и культурных реалий и научных терминов практически представляют собой кальки:

Crown Court – Суд Короны

The High Court – Высокий суд

Queen's Bench Division – Отделение королевской скамьи

Thanksgiving Day – День благодарения

non-confidence vote – вотум недоверия

В отличие от транскрипции калькирование не всегда бывает простой механической операцией перенесения исходной формы в переводящий язык – зачастую приходится прибегать к некоторым трансформациям. В первую очередь это касается изменения падежных форм, количества слов в словосочетании, аффиксов, порядка слов и т.п. Например, английское слово

skinheads или skin headed калькируется с изменением как семантического значения слова skin, так и с общей трансформацией – «бритоголовые».

Калькированию подлежат реалии первой группы, т.е. те которые общеизвестны и понятны получателям перевода.

The House of Lords then considers the Bill in much the same way as the House of Commons. - Затем палата лордов рассматривает законопроект во многом согласно той же процедуре, что и палата общин.

Однако возможности кальки ограничены: она может быть использована лишь тогда, когда у переводимой единицы есть составляющие, и их сочетание понятно получателю перевода. Когда же мотивировка затемнена или отсутствует, то калькирование теряет всякий смысл. Например, словосочетание

Miranda warning, переведенное буквально как «предупреждение Миранды» не будет понятно русскому читателю. На самом деле речь здесь идет о разъяснении подозреваемому его прав, в том числе права хранить молчание, т.н. Miranda rights. Таким образом, калькирование как способ передачи реалии оказывается неприемлемым.

Неприменимым способ калькирования оказывается и тогда, когда в языке нет удобной, компактной грамматической структуры:

tie-vote – равный счет + голосование = равное количество голосов, поданных «за» и «против», не скажешь «разноголосица»

the wind-chill factor – ветер + охлаждение + фактор = температура воздуха с учетом (силы) ветра

Таким образом, языковая специфика накладывает определенные ограничения на использование калькирования.

4. Реалии второй группы передаются при помощи двух методов – метода функционального аналога и описательного перевода.

Функциональный аналог – это слово или словосочетание, используемое для обозначения понятия, сходного, но не совпадающего с понятием оригинала. Иначе говоря, аналог – это готовый приблизительный эквивалент реалии. Он применяется тогда, когда исходного понятия в принимающей культуре нет, но в ней имеется другое понятие, во многом сходное с первым.

Оно может быть уже или шире по количеству имеющихся у него признаков и, поэтому не в полной мере передает содержание оригинала. Но если такое различие не затрагивает сущности коммуникативного намерения автора, использование сходного понятия и его наименования в переводящем языке вполне уместно. Незначительные смысловые потери, которые не позволяют рассматривать выбранный вариант как полностью эквивалентный оригиналу, отвечают условиям адекватности перевода.

The U.S. crime bill of 1994 called for a \$30.2 billion expenditure by the federal government over the next six years, \$9.9 billion of which was to be spent for prisons and “boot camps”.

Американский законопроект по борьбе с преступностью предусматривает выделение в течение последующих шести лет на эти цели из федерального бюджета средств в размере 30.2 миллиардов долларов, из которых 9.9 миллиардов долларов будут потрачены на содержание тюрем и колоний для несовершеннолетних преступников.

Английское наименование реалии boot camp приравнивается к русскому

словосочетанию «колония для несовершеннолетних преступников». В толковом юридическом словаре Dictionary of Law, Peter Collin Publishing значение этой американской реалии определяется следующим образом: US camp providing a form

of treatment to young offenders where they are subjected to harsh discipline for a short period. Иначе говоря, речь идет об исправительном учреждении для несовершеннолетних преступников, в которое они помещаются на короткий период времени для перевоспитания в условиях суровой дисциплины. Поскольку признаки американской реалии, составляющие ее национальную специфику, – в частности, продолжительность срока пребывания в этом учреждении – в данном контексте несущественны, то в переводе можно использовать русский функциональный аналог «колония для несовершеннолетних».

Достоинство аналога в том, что он обычно краток и не затрудняет понимания – ведь это знакомое слово, обозначающее привычное нам явление. Его же основной, но не принципиальный недостаток состоит в том, что иногда он «стирает» специфику реалий и не доводит до нас всей полноты их значений.

Так, слово drugstore переводят как «аптека», хотя это «место, где можно перекусить и купить не только аптечные товары». Словосочетание high school принято переводить как средняя школа, хотя это школа для старшеклассников с 9 по 12 класс, daycare center часто переводят как «детский сад», хотя в Америке, в отличие от России, нет системы дошкольного образования с программой обучения и воспитания, обязательной для всех регионов. «Барахолка» в России не то же самое, что garage sale в Америке, но они описывают схожие явления быта двух стран, и поэтому в определенном контексте, вполне могут заменят друг друга.

При выборе аналога часто находят применение два противоположны переводческих приема – генерализация и конкретизация. Первый – прием генерализации – состоит в замене узкого понятия широким, а второй, наоборот, основывается на замене широкого понятия более узким.

Применение перевода этого типа в ряде случаев может вызвать и местные ассоциации. Примерами, главным образом из перевода произведений литературы XIX века, могут служить «извозчик» — вместо «фиакр» (что не вполне точно, так как слово «фиакр» обозначает экипаж и лишь метонимически переносится на возницу, «извозчик» же, наоборот, имеет это второе значение), «швейцар», «привратник» или «привратница» вместо «консьерж» (что также не точно, поскольку «консьерж» находится при подъезде, а не при воротах), «стряпчий» вместо «клерк», «ризничий» вместо «бидль», «будочник» вместо «полицейский комиссар» (пример из статьи Добролюбова о В. Курочкине, как переводчике Беранже, см. выше). По своей национальной специфичности к названиям реалий в ряде случаев близки и существующие в языке формы обращения, к которым

применимы и аналогичные способы перевода. Так, французские обращения „monsieur" и „madame", английские — "sir" и "miss" передавались в переводах литературы прошлого как «сударь» и «сударыня», а французские „monsieur" и „madame" в качестве слов, предшествующих фамилии, и при переводе современных произведений передаются как «господин» и «госпожа» (наряду с «мсье» и «мадам»).

Содержание этого небольшого перечня примеров (среди которых иные обозначают понятия уже устарелые с точки зрения современного читателя, как, например, «будочник», «извозчик» и т. п.) показывает, что подобный тип перевода полностью передает привычность, чисто бытовую окраску соответствующего слова подлинника, в одних случаях придавая ему русифицирующий оттенок, в других случаях не внося в него никаких новых черт, но во всех случаях, конечно, ослабляя национально-специфические особенности, выраженные в нем. Если предмет или понятие, обозначенные словом подлинника, мало чем отличаются от предмета или понятия, обозначаемого соответствующим словом в переводе, если с ним самим не связаны никакие специфически местные признаки, то передача смысла в условиях контекста может оказаться исчерпывающей (например, «консьерж» — «привратник»). Ср. также примеры передачи реалий русского дореволюционного быта в переводах произведений Горького на немецкий язык: «водолив» — „Aufseher" (имеется в виду обязанность надсмотрщика, выполнявшаяся рабочим-водоливом на пароходе), «босяк» — „Stromer" (бродяга), «изба» — „Bauernhaus" (слово, практически применимое главным образом в повествовательной речи, допускающее в ней минимум повторений и не представимое в прямой речи персонажей-крестьян) и т. п.

Во всех этих случаях утрата некоторой вездественной специфики, характеризующей русским словом, возмещается полной понятностью его перевода в контексте при большей или меньшей степени близости выражаемого понятия.

С другой стороны, слово, имеющее непосредственную связь со специфическими фактами из жизни той страны, на язык которой делается перевод, не может быть полноценным образом использовано для передачи реального понятия из жизни другой страны, другого народа. Так, русское «коробейник» не могло бы служить верным способом передачи английского "peddler" (означающего тоже торговца-разносчика) в контексте перевода английского романа из жизни XIX века, так как в представлении о реальной обстановке действия оно внесло бы специфически местные черты, напоминающие Россию некрасовских времен.

5. Что касается **гипонимического способа** перевода, то он всегда обедняет представление, связанное с названием реалии в ИЯ, поскольку название обобщающего понятия в ПЯ неизбежно приводит к утрате конкретности - то в большей, то в меньшей степени. Это происходит, когда, например, русское слово «изба» переводится по-немецки как „Haus" или же немецкое „Fachwerkhaus" переводится по-русски просто как «дом». Примером могут послужить и приведенные В. С. Виноградовым случаи, когда «с испанскими словами нопаль (вид кактуса) или кебрачо (вид дерева) будут соотноситься в переводе их родовые межъязыковые гипонимы: кактус, дерево».

Может показаться парадоксальным, что гипонимическое соотношение между словом оригинала и словом перевода устанавливается в известной мере и при транслитерации (транскрипции) в тех случаях, подобных описанным выше, когда контекст позволяет уловить значение родового понятия, выраженного транслитерированным (транскрибированным) словом. Таким образом выявляется известная общность между двумя, казалось бы, далекими друг от друга способами перевода.

Для передачи незнакомых и малознакомых реалий используется **описательный (поясняющий) перевод**. Если переводчику не удастся найти функциональный аналог подобной реалии, то он может дать его определение, дополнив его по необходимости поясняющей информацией. Простейший способ поясняющего описательного перевода состоит в том, что название реалии сохраняется, но при этом дается ее краткое определение. Например:

The practicing legal profession in England is divided into two main groups:

barristers and solicitors.

Профессиональные юристы в Великобритании подразделяются на две категории: барристеры (адвокаты высшей категории, имеющие право выступать в суде) и адвокаты-поверенные (также именуемые «солисителями»).

Пояснение реалии может как сопровождать реалию непосредственно в тексте перевода и обособляться знаками препинания или скобками, так и даваться в виде сносок или примечаний переводчика. При этом само заимствование может быть набрано курсивом, прямым шрифтом или взято в кавычки, например:

North American Bookcrossing Convention 2006 was held in Toronto, Ontario, April 21-23, 2006.

С 21 по 23 апреля 2006 года в городе Торонто (Канада) состоялась ежегодная североамериканская конвенция движения «бук-кроссинга» или «книговорота», участники которого обмениваются прочитанными книгами, оставляя их на видном месте в публичных местах.

Исходное название реалии в сопровождении поясняющего дополнения

обычно используются в тех случаях, когда переводчик хочет вызвать у читателя ощущение национального колорита или когда обозначаемые реалиями понятия являются предметом сообщения и не могут быть опущены. К такому способу перевода не следует прибегать слишком часто из-за его громоздкости. Если особо необходимости в сохранении названия нет, можно обойтись одним определением, при необходимости включив в него дополнительную информацию. Подобный способ перевода называется поясняющим или интерпретирующим:

He was convicted of murder and sentenced to be detained at Her Majesty's pleasure.

Он был осужден за убийство и приговорен к тюремному заключению на неопределенный срок.

Если для нас реалии всегда специфичны и поэтому нередко обращают на себя наше внимание, для носителей языка оригинала – это самые обычные слова, ничем не выделяющиеся из потока речи. Они живут в языке нормальной полноценной жизнью, нередко бывают наделены эмоционально-экспрессивной окраской. Передать эти стилистические нюансы в переводе, как правило, не удастся. Так, образное обозначение здания государственного департамента в США и самого учреждения – Foggy Bottom (букв. «туманное болото») – полностью нейтрализуется в переводе «государственный департамент».

Случаи, когда в распоряжении переводчика есть альтернативные варианты как, например, при переводе обозначения конгресса США the Hill – «Капитолийский холм», «органы законодательной власти США» или «конгресс», довольно редки. Итак, передача реалий – проблема не простая, но преодолимая, правда, нередко с теми или иными потерями.

6. Вообще же описанные **четыре способа** в практике переводческой работы обычно **не изолированы, т. е. применяются в сочетании друг с другом.**

Исключительное использование только одного из них имело бы результатом либо перегрузку переводного текста иноязычным словесным материалом или «экзотизмами» (при транслитерации или транскрипции), либо непомерное расширение текста (при описательном, перифрастическом способе), либо к полной

утрате национальной специфичности (при уподобляющем способе), либо к обеднению вещественного смысла (при гипонимической передаче).